

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 342.64

DOI: 10.14529/law260111

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРЕДЕЛОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Ш. Р. Астапова, astapova.sh@mail.ru

Российско-Таджикский (Славянский) университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация. В статье на основе анализа отраженных в юридической литературе научных подходов к соотношению понятий «пределы гражданских прав» и «ограничения гражданских прав» проводится разграничение этих понятий в контексте исключительных прав. Приводятся аргументы в обоснование самостоятельности этих категорий. Разграничительный подход к пониманию пределов осуществления исключительных прав и ограничений исключительных прав основан на широкой системе ограничений, включающей все виды нормативного вмешательства в объем исключительных прав, а не только ограничения в части допущения использования объекта интеллектуальной деятельности третьими лицами. Все эти ограничения противопоставляются пределам осуществления права, которые представляют собой оценочные границы допустимого поведения правообладателя, формируемые на основе принципов разумности, добросовестности и запрета злоупотребления правом, нарушение которых не связано с изменением объема самого исключительного права, но влечет последствия в виде отказа в судебной защите при формальном наличии права.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, объект интеллектуальной собственности, исключительные права, имущественные права, пределы осуществления исключительных прав, ограничения исключительных прав.

Для цитирования: Астапова Ш. Р. К вопросу о разграничении пределов и ограничений исключительных прав // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2026. Т. 26, № 1. С. 72–77. DOI: 10.14529/law260111.

Original article

DOI: 10.14529/law260111

ON DELINEATING LIMITS AND RESTRICTING EXCLUSIVE RIGHTS

Sh. R. Astapova, astapova.sh@mail.ru

Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Abstract. Based on the analysis of scientific approaches reflected in the legal literature to the relationship between the concepts of "limits of civil rights" and "limitations of civil rights", the article distinguishes these concepts in the context of exclusive rights. Arguments are given to substantiate the independence of these categories. The distinguishing approach to understanding the limits of the exercise of exclusive rights and limitations of exclusive rights is based on a broad system of restrictions that includes all types of regulatory interference in the scope of exclusive rights, and not just restrictions on the use of an intellectual property by third parties. All these restrictions are opposed to the limits of the exercise of the right, which represent the estimated limits of permissible behavior of the rightholder, formed on the basis of the principles of reasonableness, good faith and prohibition of abuse of law, the violation of which is not associated with a change in the scope of the exclusive right itself, but entails consequences in the form of denial of judicial protection in the formal existence of the right.

Keywords: intellectual property, object of intellectual property, exclusive rights, property rights, limits on the exercise of exclusive rights, restrictions on exclusive rights.

For citation: Astapova Sh. R. On delineating limits and restricting exclusive rights. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2026. vol. 26. no. 1. pp. 72–77. (in Russ.) DOI: 10.14529/law260111.

Пределы и ограничения всякого субъективного гражданского права являются своего рода структурными элементами правового режима субъективного права. Если они четко не определены, то невозможно обозначить фактический объем правомочий субъекта и установить, где заканчивается допустимое поведение и начинается злоупотребление правом. Поэтому от точности определения пределов и установления ограничений зависит не только механизм осуществления прав, но и понимание самой юридической природы субъективного права, его объема, содержания и допустимых форм реализации.

Этот вывод вытекает из целого ряда норм Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее – ГК РТ), устанавливающих допустимые границы осуществления прав с учетом интересов других лиц и публичных интересов. Так, ст. 9 ГК РТ закрепляет запрет на злоупотребление правом и требования разумности, добросовестности и справедливости при его осуществлении. Что касается нормативных ограничений гражданских прав, то общее положение об их допустимости прямо установлено в п. 6 ст. 3 ГК РТ. Данная общая норма находит свое развитие и конкретизацию в последующих статьях ГК РТ, в которых содержание тех или иных ограничений определяется характером регулируемых правоотношений, природой субъективного права и его функциональным назначением. К примеру, допустимость ограничений в сфере личных неимущественных прав установлена в ст. 228 ГК РТ. Ограничения осуществления вещных прав прямо закреплены в ст. 271 Гражданского кодекса РТ.

Таким образом, уже на уровне гражданско-правового регулирования можно проследить четкое разграничение между пределами и ограничениями субъективных гражданских прав. ГК РТ институционально различает эти две категории, придавая им различную правовую природу. Пределы осуществления гражданских прав формулируются через оценочные критерии и через общие положения о запрете злоупотребления правом. В свою оче-

редь ограничения гражданских прав представляют собой императивно закрепленные изъятия из содержания соответствующих правомочий применительно к отдельным видам гражданских прав, будь то личные или имущественные. Однако среди исследователей нет единого мнения к пониманию этого вопроса, в результате чего сложилось два научных подхода. Представители первого подхода при рассмотрении этого вопроса опираются на идею двойственной структуры субъективного права, согласно которой субъективное право включает в себя две составляющие – содержание права и осуществление права. Содержание права имеет объективную природу и представляет собой меру дозволенного поведения или, как его еще называют, объем юридических возможностей, устанавливаемых законом. В свою очередь осуществление права – это субъективная категория, связанная с поведением субъекта в рамках дозволенного, и означает реализацию юридических возможностей. Исходя из этого пределы содержания права и пределы осуществления права разграничиваются. Первая категория представляет собой совокупность юридических возможностей, входящих в само субъективное право, вторая категория означает конкретные пределы реализации этих возможностей субъектом права. Основоположителем данного подхода является В. П. Грибанов [4, с. 44–45].

В силу того, что данный подход подтверждается самим законодателем, у него имеется много сторонников. Так, М. И. Бару, характеризуя злоупотребление правом, встает на позицию, близкую к подходу, предложенному В. П. Грибановым [1, с. 118]. В. П. Камышанский также подчеркивает различие между ограничением права и пределом его осуществления [7, с. 69].

Представители второго подхода усматривают в разграничении понятий «границы субъективного гражданского права» и «границы осуществления права» принципиальную методологическую ошибку и отстаивают их неразделимость. Например, А. В. Волков утверждает, что осуществление субъективного

права не является чем-то внешним или отдельным от его содержания, а напротив, неотделимо входит в его структуру [2, с. 52]. В. М. Пашин, критикуя идею существования пределов осуществления права, полагает, что «в самом содержании субъективного права уже заложены те ограничения поведения лица, которые диктуются объективными закономерностями частного права» [10, с. 39].

Интересную позицию занимает В. А. Рясенцев. Он не делает жесткого выбора между содержанием и осуществлением права, однако из его размышлений вытекает, что он различает формальное право и его фактическую реализацию [11, с. 7].

Высказывая свою позицию относительно представленных подходов, мы считаем необходимым согласиться с первым (разделительным) подходом, в рамках которого пределы осуществления гражданских прав и ограничения гражданских прав являются самостоятельными понятиями. Такой взгляд на поставленный вопрос представляется предпочтительным в силу следующих обстоятельств. Во-первых, данный подход соответствует логике действующего гражданского законодательства, где последовательно разграничиваются понятия пределов и ограничений гражданских прав (ст. 3 и 9 ГК РФ).

В п. 6 ст. 3 ГК РФ установлено, что ограничения гражданских прав и свобод допускаются только в случаях, предусмотренных законодательным актом. Это означает, что ограничения имеют нормативный (формализованный) характер и вводятся вне зависимости от поведения субъекта права. Ограничения заложены априори в самой сути субъективного права как его объективные границы, установленные в целях обеспечения защиты прав и интересов других лиц, а также общественных интересов. Они автоматически ограничивают объем права просто по факту наличия нормы. В этом смысле ограничения гражданских прав – это нормативно установленные рамки, за пределами которых субъективное право не действует.

В отличие от этого пределы осуществления гражданских прав, о которых идет речь в ст. 9 ГК РФ, формулируют запреты, связанные не с содержанием права как такового, а с допустимостью его конкретной реализации в каждом отдельном случае. В соответствии с данной нормой такое поведение субъекта, как злоупотребление правом, причинение вреда,

нарушение принципов добросовестности, разумности и справедливости, становится основанием для отказа в защите, независимо от того, что субъект формально действует в рамках предоставленных ему прав.

Можно сказать, что ограничения гражданских прав – это статичная категория, которая действует независимо от воли правообладателя и характера его поведения. В отличие от этого, пределы осуществления гражданских прав имеют динамичную подвижную природу, требующую учета конкретных обстоятельств осуществления субъективного права. Они определяются не заранее установленной нормой, а в процессе осуществления права в зависимости от правовой оценки поведения субъекта в каждой конкретной ситуации.

Отождествление же ограничений и пределов гражданских прав, характерное для второго подхода, не учитывает всех тех нюансов, когда право может использоваться вопреки своему назначению, формально оставаясь в рамках установленного законом содержания.

Кроме того, дополнительным аргументом, подтверждающим обоснованность разграничения рассматриваемых понятий, являются различия в правовых последствиях, наступающих при выходе за пределы права и при нарушении установленных ограничений права. Так, последствием нарушения пределов осуществления субъективного права является применение меры в виде отказа правообладателю в судебной защите принадлежащего ему права, несмотря на формальное соответствие его поведения установленным правомочиям (п. 6 ст. 9 ГК РФ). В то же время нарушение ограничений, установленных законом, влечет незаконность самого действия, что позволяет квалифицировать его как правонарушение, требующее применения соответствующих гражданско-правовых санкций (компенсации ущерба, признания права недействительности, восстановления нарушенного права и т.д.). Такое различие в мерах юридической ответственности, применяемых к субъекту в случае нарушения права, обусловлено тем, что при нарушении установленных ограничений правообладатель нарушает закон, а при нарушении пределов осуществления права нарушается назначение права. Это дополнительно подтверждает, что ограничения и пределы гражданских прав являются различными по своей природе категориями.

Таким образом, разграничение ограниченных субъективных прав и пределов их осуществления является не только теоретически обоснованным, но и практически значимым, поскольку позволяет точно квалифицировать поведение субъекта – как правонарушение или как злоупотребление правом.

Важность разграничения пределов осуществления исключительных прав и их ограничений состоит в том, что позволяет точно определить характер неправомерного поведения правообладателя и установить, где заканчивается допустимая реализация исключительного права и начинается злоупотребление им, а где имеет место нарушение установленных ограничений, образующее состав правонарушения и влекущее применения мер юридической ответственности. То есть такое разграничение позволяет отделить злоупотребление правом от правонарушения и выбрать адекватные меры защиты исключительных прав правообладателя либо законных интересов третьих лиц.

В этом контексте можно сказать, что разграничение категорий ограничений и пределов имеет важное значение для лучшего понимания механизма правового регулирования осуществления исключительных прав и допустимых границ их реализации, так как обеспечивает не только корректное осуществление прав, но и является необходимым условием для достижения баланса интересов между правообладателем и третьими лицами. Понимание и соблюдение пределов исключительных прав препятствует злоупотреблению правом, тогда как установление и уважение законных ограничений обеспечивает определение рамок осуществления исключительных прав, установленных в интересах общества и третьих лиц.

Несмотря на важность разграничения указанных категорий, следует отметить, что в юридической литературе не всегда проводится четкое различие между ними. Во многих научных работах, посвященных данной тематике, авторы не сосредотачиваются на различиях между категориями пределов осуществления исключительного права и установленными законодательными ограничениями этих прав. Например, В. И. Еременко в одной из своих работ пишет, что «осуществление исключительного права на произведение науки, литературы и искусства зависит от пределов (или границ) охраны, имеющих территори-

альный или временной характеры» [6, с. 14]. Схожим образом строит свою позицию М. А. Димитриев [5, с. 20]. Не проводит четкого разграничения между пределами осуществления исключительных прав и ограничениями их содержания Р. И. Ситдикова [12, с. 127].

Наряду с такими подходами, не акцентирующими внимание на разграничении пределов и ограничений, в юридической литературе находит отражение также иная позиция, в рамках которой эти категории, напротив, четко разграничиваются как самостоятельные правовые явления. К примеру, А. С. Ворожевич в своем диссертационном исследовании последовательно разграничивает пределы осуществления исключительных прав и границы исключительных прав, подчеркивая различие их природы и содержания. Так, по ее мнению, границы исключительных прав – это «правовой институт, разделяющий сферу контроля правообладателя и сферу свободного использования объекта (его отдельных элементов) всеми иными лицами» [3, с. 10]. Границы формально устанавливаются законом и разграничивают правомерное использование и нарушение права. Они бывают временные, территориальные, содержательные, объектные. Что касается пределов, то А. С. Ворожевич определяет их как институт, ограничивающий способы реализации исключительного права самим правообладателем. Пределы связаны с запретом злоупотребления правом, а также с более специальными стандартами, оценивающими поведение правообладателя в зависимости от особенностей объекта и инновационной сферы [3, с. 10].

Е. А. Кондратьева корректно использует термин «пределы», обозначая им рамки добросовестного осуществления исключительных прав, установленные в соответствии с принципами гражданского законодательства [8, с. 29]. Особого внимания заслуживает точка зрения А. Г. Назарова. В его понимании пределы – это границы субъективного права, вытекающие из назначения права и общих принципов гражданского права (добросовестности, запрета злоупотребления правом) [9, с. 14].

Что касается нашей позиции по этому вопросу, мы поддерживаем общий подход к выделению данных категорий как самостоятельных правовых явлений, и полагаем, что ограничения исключительных прав являются более широким понятием, а не ограничиваются только установленными законом случаи ис-

пользования результата интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя. Ограничения исключительных прав – это не только законодательно установленные допущения использования исключительных прав третьими лицами, а все внешние нормативно закрепленные рамки существования исключительного права, включая территориальные ограничения, ограничения сроков действия исключительных прав, ограничения объема правомочий правообладателя.

Таким образом, разграничительный подход, которого мы придерживаемся, основан не просто на противопоставлении пределов осуществления исключительного права и его ограничений. Мы обосновываем более широкую систему ограничений, включающую все виды нормативного вмешательства в объем исключительных прав, независимо от того, связаны ли они с возможностью использования объекта интеллектуальной деятельности третьими лицами или касаются иных аспектов существования исключительного права. Такое широкое понимание ограничений исключительного права позволяет классифицировать их по принципу дихотомии на две основные группы, различающиеся по критерию направленности правового регулирования.

Ограничения первой группы представляют собой нормативные ограничения, направленные на установление границ самого исключительного права. Речь идет о таких границах, которые затрагивают содержание исключительного права, срок и территорию его

действия, исчерпание права, а также иные юридические рамки действия исключительного права как субъективного гражданского права.

Вторая группа ограничений – это нормативно установленные ограничения исключительного права, установленные в интересах третьих лиц. Они представляют собой предусмотренные законом случаи допущения использования объекта исключительного права без согласия правообладателя, если такое использование преследует общественно значимые цели. Их особенность состоит в том, что они имеют внешний по отношению к исключительному праву характер и направлены на обеспечение баланса между правами правообладателя и интересами третьих лиц. Реализация этих ограничений происходит через такие правовые механизмы, как свободное использование, принудительное лицензирование и другие формы допуска третьих лиц к объекту интеллектуальной деятельности.

Все эти ограничения мы предлагаем противопоставлять пределам осуществления права, которые представляют собой оценочные границы допустимого поведения правообладателя, формируемые на основе принципов разумности, добросовестности и запрета злоупотребления правом, нарушение которых не связано с изменением объема самого исключительного права, но влечет последствия в виде отказа в судебной защите при формальном наличии права.

Список источников

1. Бару М. И. О ст. 1 Гражданского кодекса (об охране гражданских прав) // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 117–120.
2. Волков А. В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». Волгоград, 2007. 343 с.
3. Ворожевич А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты лицами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 546 с.
4. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 2001. 204 с.
5. Димитриев М. А. К вопросу о пределах исключительного права на произведения науки, литературы и искусства // Российский судья. 2012. № 10. С. 20–22.
6. Еременко В. И. О пределах и ограничениях исключительного права на произведения науки, литературы и искусства // Законодательство и экономика. 2011. № 1. С. 14–28.
7. Камышанский В. П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 336 с.
8. Кондратьева Е. А. Требование компенсации за нарушение исключительного права как форма злоупотребления правом // Гражданское право. 2013. № 2. С. 28–30.
9. Назаров А. Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 30 с.

10. Пашин В. М. Институт злоупотребления субъективными правами de lege ferenda // Актуальные проблемы гражданского права. 2003. Вып. 7. С. 28–62.
11. Рясенцев В. А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция. 1962. № 9. С. 7–10.
12. Ситдикова Р. И. Ограничения исключительных прав в механизме охраны авторских прав // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 126–130.

References

1. Baru M. I. [1 of the Civil Code (on the protection of civil rights)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*, 1958, no. 12, pp. 117–120. (in Russ.)
2. Volkov A. V. *Teoriya kontseptsii «zloupotreblenie grazhdanskimi pravami»* [The theory of the concept of "abuse of civil rights"]. Volgograd, 2007, 343 p.
3. Vorozhevich A. S. *Granitsy isklyuchitel'nykh prav, predely ikh osushchestvleniya i zashchity litsami: dis. ... d-ra yurid. nauk* [The boundaries of exclusive rights, the limits of their exercise and protection by persons. Diss. D-ra (Law)]. Moscow, 2021, 546 p.
4. Gribanov V. P. *Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskikh prav* [The limits of the exercise and protection of civil rights]. Moscow, 2001, 204 p.
5. Dimitriev M. A. [On the question of the limits of the exclusive right to works of science, literature and art]. *Rossiyskiy sud'ya [The Russian judge]*, 2012, no. 10, pp. 20–22. (in Russ.)
6. Eremenko V. I. [On the limits and limitations of the exclusive right to works of science, literature and art]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika [Legislation and Economics]*, 2011, no. 1, pp. 14–28. (in Russ.)
7. Kamyshanskiy V. P. *Pravo sobstvennosti na nedvizhimost': voprosy ogranicheniy* [Ownership of real estate: issues of restrictions]. Elista, 1999, 336 p.
8. Kondrat'eva E. A. [The demand for compensation for violation of an exclusive right as a form of abuse of law]. *Grazhdanskoe pravo [Civil Law]*, 2013, no. 2, pp. 28–30. (in Russ.)
9. Nazarov A. G. *Predely osushchestvleniya isklyuchitel'nogo prava na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [The limits of the exercise of the exclusive right to the results of intellectual activity. Author's abstract]. Ekaterinburg, 2011, 30 p.
10. Pashin V. M. [Institute of Abuse of subjective rights de lege ferenda]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* [Actual problems of civil law], 2003, Vyp. 7, pp. 28–62. (in Russ.)
11. Ryasentsev V. A. [Conditions and legal consequences of refusal to protect civil rights]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet Justice]*, 1962, no. 9, pp. 7–10. (in Russ.)
12. Sitdikova R. I. [Limitations of exclusive rights in the mechanism of copyright protection]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Law Journal]*, 2013, no. 1, pp. 126–130. (in Russ.)

Информация об авторе

Астапова Шахноза Рашидовна, преподаватель кафедры предпринимательского права, Российско-Таджикский (Славянский) университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан.

Information about the author

Shakhnoza R. Astapova, Lecturer of the Department of Business Law, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2025 г.
Received October 20, 2025.